

— Тук-тук! Можно?
— Заходите.
— Я с мужем.

— Ну давайте вместе, куда ж его деть... Ого! Это кого ж мы рожать будем с таким папой?! В вас сколько — метра три?

— Два... — смущенный здоровяк протиснулся в кабинет.

— А вес?

— Сто двадцать.

— Что ж это вы, голубчик — эдакий шкаф, выбрали себе дюймовочку, а рожать-то ей как, подумали?

«Шкаф» сконфуженно заулыбался, отчаянно пытаясь сжаться.

— Да вроде она у нас небольшая, два восемьсот была по УЗИ в прошлом месяце, — посетительница пыталась пристроить спутника в какой-нибудь угол, но тот постоянно что-то задевал, и в итоге предпочел просто замереть, взглядом умоляя больше его не трогать.

— Тогда УЗИ — и вперед. Роды первые?

— Первые. Боюсь очень!

— Ну, что, женщины веками рожали, ничего. А беременность какая?

— Я ж говорю, первая!

— До этого выкидыши, аборт, в том числе на ранних сроках?

— Нет, все впервые!

— Ну, как скажете. Если вдруг вспомните, сообщите, — он быстро заполнял бумаги, про себя вынося вердикт: «Наверняка врет! И что ты с ними делать будешь? Небось, наделала дел по юности. А если какие осложнения — нам ведь разгребать!» — он недовольно поморщился, вспоминая осложненные роды годичной давности. После того случая он стал крайне скептически относиться к информации из уст беременных, и сейчас по привычке внутренне проговаривал: «Врешь. И тут тоже врешь».

— Игорь Владимирович, можно вас? — раскрасневшаяся толстушка застыла в дверях с извиняющимся взглядом.

— У меня пациент, — он резко обернулся и понял, что дело срочное. Вошедшая, медсестра Маша, работала в бригаде детской реанимации. Бригада укомплектована неонатологом и хирургом. Раз пришла за ним — значит, рук не хватает. Просто так во время приема никто не заходит: персонал вышколен, отделение платное, пациенты возмутятся.

— Минуту, — кивнул он Маше. — Видимо, «сверху» звонят, начальство, сами понимаете, — обратился он к пациентке. — Вы пока снаружи подождите, я быстро.

Как только вышли из отделения, Маша затараторила:

— Там Кузякин разрывается. У нас плановое кесарево. Тройня. У одного на УЗИ выявили то ли грыжу, то ли опухоль, в общем — не отйти. А тут экстренную привезли. Схватки в метро начались. У плода сердцебиение плохое, похоже, обвитие. Меня отправили помогать, но Александр Степанович послал еще и за вами.

— А Усачев где?

— Усачев дома после суток: дежурил за Камышева, тот в больнице с язвой.

Когда они вбежали в палату, дежурная бригада суетилась в ожидании последнего этапа родов. Переодеваясь, моя руки, он отметил, что для ребенка уже подготовили реанимационный набор.

Роженица была с виду крепкой. Длинные пшеничные волосы, даже слипшись от пота, сияли здоровьем. Орала она громко, значит, силы есть. Хотя обычно такие не орали. Он уже привык делить всех их на две категории: деревенские и городские. Конечно, не по месту жительства, на разговоры кто-откуда времени тут не бывало. Деревенские, в его понимании, — плотные, мясистые, с крупными бедрами и сильными руками. Рожали они так, будто в поле косили: жарко, сил нет, тяжело, но куда деться, сделай дело и отдыхай. Такие инстинктивно знали, когда и как тужиться, как дышать. Городские же — вот это морока. Щуплые, в чем душа, все за них сделай. И анестезию им побольше, и пить хотят, прям, умирают, а тут еще моду взяли — за деньги мужиков своих притаскивают смотреть. Врачей не слышат. Ты им — «дыши», а они тужатся, ты им — «толкай», а они «не могу»! Правда, такие тысячу раз потом отблагодарят, и мужики их всей бригаде и конверты, и бутылки носят. Тоже приятно...

Эта была из «деревенских», но, похоже, ребенку что-то мешало, и орала мать беспрестанно.

— Так, заканчивай кричать. Тут работы на полчаса. Ну-ка, соберись!

Роженица будто и не слышала, только орала и мотала головой. По глазам коллег он понял, что шансы ребенка невелики. Сестры начали распечатывать дополнительный хирургический набор.

— Сколько уже?

— У нас она четыре часа, да плюс пока везли. Сама сказать не может, как давно первая схватка была. — Маша суетилась, поправляя ему халат и натягивая перчатки. — Сначала шло хорошо, думали, стремительные роды будут. А как головка показалась, так и застопорилось. Очень долго не продвигается.

— А резать, видимо, было поздно... — пробубнил он сам себе. — Что делать, Саш? Может, надавить?

— Да уже пробовали. Давай, может, ты посильнее... — на лице его друга блеста испарина, сзади из-под шапочки пот каплями сползал по бритым складкам затылка за воротничок уже изрядно взмокшего халата. — Что-то неладно. Как выйдет — он на тебе, мне — мать.

Через несколько потуг ребенок наконец вышел. Мальчик. Синий. Тройное обвитие. Молчит.

Игорь быстро перехватил обмякшее маленькое тельце, в два шага перенес его на столик, где сестры уже приготовили трубки и отсос. Наспех обтерев недышащего младенца, он, как в режиме ускоренной перемотки, начал реанимацию. Счет шел даже не на секунды.

Вокруг было множество звуков. Саша сердито что-то требовал от сестры, со звоном бросал зажимы, равномерно пищали датчики давления, из открытого окна доносился звон трамвая. Но всего этого Игорь как будто не слышал. Его слух был

настроен лишь на одну частоту: сигнал от этого маленького человека. Человек молчал. Игорь вновь и вновь методично выполнял инструкции учебника по экстренным родам. Он понимал, что каждая минута уменьшает шансы на жизнь, а каждая секунда может обернуться инвалидностью ребенка.

Ему казалось, что прошло уже полчаса: время здесь растягивается. В реальности он спасал младенца всего несколько минут: без остановки делал непрямой массаж сердца, ощущая под пальцами крохотные ребра, которые вот-вот готовы были треснуть под его натиском. А там, за ними, все еще молчало маленькое сердце.

«Давай, парень, давай. Мы с тобой прорвемся!» — он пытался передать через пальцы свой импульс жизни, свою силу. «Давай, ты же мужик!» — уговаривал он.

«Стукнуло! Только что! Пробилось ведь!.. Молчит... Ну что же ты?! Показалось? Не может быть! Это ни с чем не перепутать. Ну же, давай! Один раз уже смог. Давай, парень!» — под его пальцами отчетливо послышался второй удар. Тишина. Еще тишина. Молчит... Вот он: третий. Четвертый. Еще!

— Умница! Настоящий мужик! Борец! Давай, мой хороший, не останавливайся. Мать тебя, как услышит, взлетит от счастья.

Младенец слабо двинул ножкой, подтянул обе ручки к груди, медленно заворочал головой и издал слабый шипящий звук. Игорь подхватил его, ловко хлопнул по ягодицам, повернул головкой вперед.

Слабое подобие детского крика заглушили вздохи всей бригады.

— Красавец! — Игорь завернул его в полотенце и двинулся к матери. — Ну, заслужил, брат. Вот она — мамка твоя! — развернул малыша личиком к маме. — Что, выкладываю? — обратился он к Саше.

Саша недовольно поморщился и отмахнулся.

— Да ладно тебе, Александр Степаныч. Ты же помнишь решение главного. «Психологи установили, что в первые минуты жизни ребенку необходим телесный контакт с матерью...» — Игорь передразнил главврача.

— Да шли бы эти психологи... — беззлобно буркнул Саша, — в бухгалтерию. Давай, быстро, я еще не закончил.

— Слушаюсь! — Игорь комично поклонился и поднес младенца к лицу матери.

— Уберите, — едва слышно прошелестела женщина.

— Чего? — не расслышал Игорь. — Гляди, мама, вон какой у тебя богатырь!

Давай, положу его тебе, готова?

— Уберите, не хочу, — чуть громче прошептала она.

— Ну, приехали, «не хочу». Теперь, дорогая моя, лет на восемнадцать свои «хочу — не хочу» забудь. — Игорь поднял пищущего младенца повыше. — Теперь вот он за тебя решать будет.

— Не надо! Уберите! Я не хочу его видеть!

Игорь озадаченно замер. На родовые горячки он насмотрелся. Обычно он резко пресекал подобное поведение рожениц. А как по-другому: не рывкнешь на них, перестанут работать, а ребенку-то ничуть не легче, чем им. Но сейчас он чувствовал такой прилив радости оттого, что это маленькое сердце забилося под его пальцами. Ему не хотелось портить себе настроение, сегодня еще до ночи дежурить в родовом.

— Ладно, отдыхай. А мы твоего красавца пока взвесим и измерим, — он направился к весам, бережно держа своего подопечного.

— Так, что тут у нас... Маша, записывай, три семьсот пятьдесят. Так... аккуратненько, головку... пятьдесят два сантиметра. Записала?

— Да-да, записала.

— Внешних повреждений не наблюдается. А конкретней наши неонатологи скажут, как освободятся.

— Игорь Владимирович, а как записывать — документов никаких нет.

— Как нет? А родовая карта? Сертификат? — он держал малыша, невольно покачивая, пока сестры нагревали лампу для младенца.

— Ничего не было, — Маша поморщилась. — Ни карты, ни паспорта. Спрашивали фамилию — не говорит.

— В смысле — не говорит? — у Игоря неприятно потяжелело в груди. — Тебя как звать-то? — повернулся он к родившей.

— Наташа, — вяло отозвалась она, прикрывая рукой глаза от яркого света ламп.

— Ну, ты не в первом классе, полностью — фамилию, отчество. Ребенка как назовешь, решила?

— Иванова. Иванна.

— Так, ребенок значит Иванов. Имя придумала ему?

Женщина молча отвернулась. Игорь начал раздражаться. Саша как-то странно на него взглянул и тоже раздраженно начал поторапливать сестер:

— Я же сказал, восьмерку, а вы мне шестой даете! Вы на работе, внимательнее надо быть!

Игорь с мальчиком на руках подошел к матери.

— Так, давай-ка, приходи в себя. Миллионы женщин рожают. Все нормально. Нам тут время дорого, нечего тянуть. Карты у тебя с собой нет. Кто-то привезет? Иначе нам нужно будет взять у него кровь на ВИЧ, гепатит.

— Берите, делайте, что хотите!

— Приехали! «Что хотите» — не можем. Теперь на каждый чих подпись матери нужна. Твой ребенок — тебе решать.

— Нет у меня ребенка! — крикнула она внезапно. — Не-ту! Это не мой! Уберите!

На мгновение все замерли. Стало слышно, как жужжит, нагреваясь, ультрафиолетовая лампа над детским столиком.

— Ты чего? Ау, мамаша, ты уже родила! Живой он, все хорошо! Ты что же, не слышала, как он кричал? Вот, смотри, богатырь твой.

— Уберите. Не хочу. Я его не хочу. Я не буду его брать, — женщина уже не кричала, а говорила громко, отчетливо и пугающе внятно.

— Игорь! — рявкнул Саша.

Игорь растерянно обернулся. Саша кивнул ему в сторону стола и чуть махнул локтем.

— Ничего, мой дорогой, всякое бывает! — приговаривал он, отворачивая все еще пищашего младенца, как будто заслоняя от матери. — Устала мамка твоя. Перепугалась, небось, пока ты молчал, — он сам бережно укутал мальчика в пеленку и одеяло. — Но мы-то знаем, что все у тебя в порядке, успел ты, братец, вовремя задышал. Умница, обойдется без патологий. У Александр Степаныча руки золотые!

Мальш перестал пищать и как-то сосредоточенно начал разглядывать лицо врача. Игорь прекрасно знал, что в первые дни, а то и недели, младенцы не могут различать и понимать увиденное. Но сейчас он был готов поспорить, что этот ребенок смотрел ему именно в глаза, причем серьезно смотрел, осознанно.

— Ух, какой ты! Да, брат, задумайся. С женщинами этими нелегко, попробуй, пойми, что у них в голове! Ну, полежи теперь, погрейся, — он подмигнул малышу. Тот беззвучно шевелил губками. В груди все также неприятно давило. Когда он направился к Саше, ему показалось, что младенец смотрит ему вслед.

— Что у тебя? Помощь нужна? — он говорил уже негромко и сдержанно.

— Нормально, заканчиваю. Что думаешь, она из этих?

— Из каких?

— Сяких. «Кукушка»?

Игорь не хотел об этом думать, он все еще чувствовал в пальцах отзвуки этих долговязых ударов.

— Да не, просто очередная неженка. Распереживалась, вот и немного «того» на нервной почве, пока ребенок молчал.

— Ну да. Вся ухоженная, а документов ни единого. Как специально. Даже карточек кредитных не нашли. Подготовилась. Ты внимательно на нее посмотри.

— Некогда мне тут смотреть. У меня внизу контрактники. Так что, если тебе помощь больше не нужна, я пошел.

Игорь чувствовал, как в груди нарастает тяжесть.

Направляясь к выходу, Игорь мельком еще раз взглянул на мать. Ничего особенного. Баба как баба. Ногти покрашены, вроде приличная, на мигрантку или бездомную непохожа. В груди у него уже ныло так, будто сверху поставили мотоцикл. «Да мне-то какая разница. Мое дело — роды принимать, мне чистые мозги нужны, а не философствования!» — разозлился он.

— Игорь! Ты еще здесь? Подойди! — послышалось сбоку.

— Тьфу ты, Кузякин сядет, так не слезет, — пробубнил он себе под нос. — Что там у тебя? Тройня, говорят?

— Да у меня нормально, в третий загляни. Там одна акушерка, мне еще зашивать, а там уже головка пошла.

В третьем боксе деловитая Марья Михайловна — акушерка с тридцатилетним стажем — уже организовала двух сестер и готовилась сама принять роды.

— А, прислали! — забухтела она, снимая маску. — Ходят табунами, дел, что ли, у вас нет других.

— Нет-нет, я так, только если что пойдет внепланово. Вы же сами справитесь? Или помощь нужна?

— Тридцать лет как-то обходилась. Вон, ей помощь нужна. Успокой девчонку, перепуганная совсем. А здесь уж я разберусь.

Игорь улыбнулся ворчливой акушерке. Она и правда справлялась на «отлично» даже в экстренных ситуациях, еще и врачей строила, если вдруг кто растеряется. Сейчас ему хотелось чего-то обычного, понятного. Хотелось, чтобы все шло по плану. Нормальный ребенок, нормальные роды, нормальная мать.

На столе он увидел пустые метрики.

— Давайте заполню пока. Что писать, Марь Михална?

— Ничего не писать! Партизаны у нас тут.

У Игоря кровь прилила к вискам, тяжесть из груди начала перекачиваться по всему телу, давя то на голову, то на ноги. «Еще одна. Да что ж за день такой?! Чтобы два отказника за дежурство... Куда этот мир катится?» — он поморщился от штампованной фразы. — «Ну, с этой все понятно», — он мельком окинул взглядом рожающую. Ей с трудом можно было дать шестнадцать. Удивительно, что решила выносить. Хотя Игорь был уверен, что такие просто затягивают до последнего. Сначала не понимают, что беременны, потом боятся сказать, а потом уже поздно аборт делать. Девушка ныла и причитала.

— Больше не могу, подождите! Совсем не могу!

— Милочка, я-то подожду, а девчонка твоя на свет идет. Не обратно ж ее запихивать?

Игорь всегда удивлялся, с каким юмором и при этом с теплотой и заботой Мария Михайловна общалась с пациентками. За столько лет ей бы давно уже выгореть. Сама четвертых родила. Обычно его коллеги, особенно женщины, особенно родившие, говорили с роженицами жестко, подчас резко. Не хватало сил на нежности.

— Ты чего там уселся? — прервала она несвоевременные размышления Игоря. — Помоги человеку, успокой хоть. Или иди в свою операционную. Девчонка в

первый раз рожает, молодая какая. Посмотрит на тебя и не захочет больше! — акушерка шутливо погрозила ему пальцем. — Ты давай, милая, соберись. Эти мужики просто не знают, как оно. Только кричать и могут. Нам еще пару раз поднапрячься, и все хорошо. Вон уже столик нагрели, ждем твою принцессу.

Игоря всегда успокаивала слаженная работа. В такие моменты он вспоминал, как в детстве отец первый раз показал ему улей, и он никак не мог поверить, что пчелы сами так все выстроили, как по линейке. Марья Михайловна умела четко организовать процесс. Рядом с ней он всегда чувствовал себя нерадивым мальчишкой, которому только и могут доверить смотреть со стороны. Но сей час ему именно этого и хотелось — стать просто винтиком механизма, чтобы отвлечься от своих унылых мыслей. Он отстраненно смотрел на эту девочку: волосы каштановые, веснушки. На шее крестик на простой веревочке. Ему и жалко ее было, и злился он на таких. Понятно, конечно, что совсем ребенок. Но если до секса додумалась, то предохраниться тоже могла бы. И ребенку всю жизнь искалечит, и сама ведь вззоет потом, ночами спать не будет, думая, где теперь ее малыш.

Громкий крик пробудил его.

— Умница! Без разрывов! Ты моя хорошая! Ох, красавица у тебя, ты глянть, какая глазастая!

Игорь машинально встал и направился к выходу. Он несколько раз видел, как потом эти девчонки плачут, как мечутся, подписывая отказную. Смотреть на это снова не хотелось.

— Все нормально? Я пойду?

— Иди-иди. Отлично у нас все! — Марья Михайловна обтирала звонко кричащего младенца.

Выйдя из бокса, он мельком заметил, как акушерка кладет ребенка на живот матери... Матери... как они так: девять месяцев ходят и знают, что отдадут? А мужики-то их — тоже странные. Это ж твоя кровь, как ты ее отдать можешь кому? Ничего ж не может быть в этой жизни настолько твоим, как ребенок, инстинкт самца должен срабатывать. Никакой закон или обман не сможет сделать его не твоим: природа сильнее, как бы дальше ни пошло, но ты дал ему жизнь... Игорь не считал себя религиозным. Да и о Боге вспоминал обычно только в самолете, когда трясло. Но, размышляя об отказниках, он был уверен, что так нельзя. И не важно, почему. Просто нельзя, и все.

Он спустился в платное отделение. Хотелось пить и выпить. Еще хотелось в душ, смыть впечатления. Возле кабинета нетерпеливо расхаживал здоровяк. Его жена сидела, обмахиваясь журналом.

— Проходите! — буркнул Игорь. — Прошу прощения, вызвали.

Он совсем не был расположен к лишним разговорам и хотел пресечь излишнюю болтливость, свойственную беременным.

— Так... значит, УЗИ. Ложитесь. А вы берите стул, пододвигайтесь к монитору.

На экране замелькали привычные очертания. Все выглядело нормальным. Хоть здесь можно не дергаться. Он на автомате высчитывал замеры, заносил в карту, а в пальцах все еще ощущал робкие удары.

— Что-то не так?! С ней все в порядке? Она в последнее время стала очень мало толкаться! — женщина с испугом переводила взгляд с молчащего врача на озадаченного мужа, не имея возможности заглянуть в монитор.

— Растет, вот и меньше места остается, чтобы шевелиться. Все в норме. Я отклонений не вижу. По срокам тридцать восемь недель.

— А лежит нормально? Нет показаний к кесареву?

— Если бы были, я бы сказал.

— Уф, слава Богу! Я просто испугалась, мало ли что! — она умиrotворенно улыбалась мужу, удивленно глядявавшейму в шевелящиеся на экране тени.

— Меньше себя накручивайте, и ребенку спокойнее будет.

Игорь вдруг почувствовал какую-то странную тоску. Он смотрел на эту пару и представлял, с какой любовью они будут держать новорожденного, как этот «шкаф» все же заплачет, перерезая пуповину, как целая делегация будет встречать ее у дверей на выписку с шариками, надписями на асфальте, наклейками на машине. А для другого такого же крохотного человека первая встреча с родной матерью останется единственной. И забирать его будут дежурные сестры дома малютки. А его мать, скорей всего, уже сегодня под расписку уйдет через запасной выход, не выдержит после нескольких часов в палате с другими женщинами, не спускающими с рук своих малышек.

Пациентка что-то говорила, он машинально кивал в ответ для приличия еще несколько минут, пока совсем не выдохся.

— Как схватки начнутся, берите такси и сюда. Обычная «скорая» не станет вас спрашивать, в какой роддом.

— А если не начнутся?

— Да куда они денутся. Кто там у тебя — мальчик?

— Девочка! — с нежной улыбкой выдохнула она.

— Ну, девочки могут лениться. Тогда через две недели будем стимулировать. Только предварительно позвоните, договоримся. Всего вам хорошего, меня ждут в родовом.

Закрыв кабинет, он зашагал в сторону выхода. Уже два года как не курил, но сейчас очень надеялся угоститься хоть одной сигареткой.

— Вот видишь, все хорошо, а ты переживала, — здоровяк обнял свою жену и поцеловал в макушку. — Только ты уверена, что хочешь рожать у этого? Какой-то он неприятный.

— Да вроде уже решили. Не знаю, может, просто занятой очень...

— Уж мог бы запомнить, что у нас девочка или хоть в карте подглядеть или на экране своем, раз такой занятой. Он за это деньги получает.

— Ты не заводись. Главное, чтобы не грубый, чтоб во время родов не прикрикивал, а то я еще расплачусь.

— Еще чего! Я рядом буду, я на него сам прикрикну, если надо. Идем. Мороженого хочешь?

— Давай! Лимонного.

Игорь не спеша подошел к турникету на входе. Охранник поделился с ним «Явой». Дрянь редкостная, но стало полегче.

— Это вы Игорь Владимирович? — окликнули сбоку. Доктор устало обернулся. Лопухий паренек лет шестнадцати растерянно теребил пакет из соседнего супермаркета.

— Слушаю вас. Только я очень тороплюсь.

— А я вас везде ищу! Я на минутку! Вот! — парень протянул пакет. Спасибо вам!

— Это что? — Игорь озадаченно взглянул на пакет, потом на его дарителя. Волосы растрепанные, лицо неумытое, рубашка в пятнах пота, как у него бывает после дежурства.

— Эт вам. Ну и тем, кто там еще был. В магазине только это было. А мы потом уж отблагодарим нормально.

— За что? Вы, собственно, кто?

— За жену! То есть за ребенка! За дочку! — парень широко улыбнулся. Игорь скептически окинул взглядом собеседника еще раз. Обручальное кольцо у того и правда имелось.

— Мне сказали, принимали вы и акушерка Марина... забыл отчество. Это вам чая попить. Что успел. Я ведь как ночью с ней приехал, так все боялся отойти. Думал, это у них быстро.

— У нас нет Марин. Вы ничего не путаете на радостях? Спасибо, конечно, но мне, видимо, стоит это кому-то передать. Я роды сегодня еще не принимал.

— Как же? — озадачился парень. А мне сказали... Жена моя — Светка. Маленькая такая, с веснушками, волосы темные. Час назад родила! Дочку! Мы еще не назвали: она переживала очень, сказала, что имя выбирать будем только после того, как родит. Первая у нас. Во, вспомнил: Михална. Марина Михална — акушерка.

У Игоря в голове складывалась картинка, но вид паренька не внушал доверия.

— Мария Михайловна принимала... Это сколько же вам лет?

— Девятнадцать! Обоим! — засиял лопухий. — Мы со школы вместе. Сразу поженились, и это... Доча теперь! Спасибо вам!

— Да мне особо не за что. Основную работу делают женщины, мы лишь стараемся. Не рановато ли вы решились?

— Не, мы много детей хотим, пока молодые! — парень почему-то похлопал себя по голове, как будто там находился источник молодости. — Короче, я побегал. Светка сказала в церковь зайти, поблагодарить, что все хорошо. У нее ведь все хорошо там? У них, то есть.

— Да, все в порядке, насколько мне известно.

— Спасибо вам! До свиданья! — парень впихнул Игорю в руку измятый пакет и побегал к калитке.

Игорь рассеянно смотрел ему вслед. Потом заглянул в пакет: «Тортик и конфеты. Девчонки будут рады. Смешной какой — папаша...» В груди стало полегче. «Много хотим», — Игорь хмыкнул, вспоминая растрепанный вид паренька. Хорошо, если так. Посмотрим, что ты через год скажешь.

В родовом уже ощущались сумерки. Каждое время дня здесь сопровождалось своим ритмом работы. Под вечер рожают больше. Счастливых измученных женщин с закутанными конвертами у груди вывозили на каталках. Звуки отделения превращались для него в шум единого механизма. Работа была отлажена, как в муравейнике: хотя внешне могло показаться, что персонал двигается хаотически, бездумно перебегая из угла в угол.

— Какой бокс рожает?

— Пятый!

— А почему орет третий?

— Обезболивающее ждет! Анестезиолог в первом — отойти не может, там кесарево с астмой, побочки на наркоз боятся.

— Пошли Валю в третий, обезболит своей болтовней.

Игорь пару минут наблюдал за своим «муравейником», пытаюсь отключиться от эмоций и настроиться на рабочий лад. В конце коридора стояла странная парочка: мужчина и женщина в бахилах и наспех накиннутых одноразовых халатах. Женщина беззвучно плакала, приложив ко рту бумажный платок. Мужчина что-то ей говорил, то как будто злясь, то пытаюсь приобнять.

Игорь двинулся к ним. Явно не комиссия и не интерны. Не роженица. Родственники. Плачет — что-то случилось. Но почему сюда пустили? Если рожают в VIP-боксе, то сопровождающие находятся внутри — санитарные нормы. В случае осложнений должны проводить из отделения. Другим женщинам вовсе ни к чему

переживать за чужие беды: им всем рожать в ближайшие сутки, и так перепуганы собственными схватками.

— Вы к кому? — начал он нарочито жестко, как будто именно эти двое были виноваты в его сегодняшних наплывах сентиментальности.

— Мы из шестого блока. У нас контракт, подписано вашим главным, — мужчина говорил выдержанно, но, видимо, из последних сил. Казалось, сейчас сорвется на крик или плач. Женщина не поднимала глаз.

— Родственники? Почему не внутри? — он осекся, понимая некорректность вопроса. Шестой блок как раз VIP. Раз вышли, значит, там плохо. Теперь, в лучшем случае, женщина окончательно расплачется, в худшем — начнут рассказывать, что произошло, а то и истерить на весь коридор.

— У нас тут беременные, со схватками, обстановка нервная. Давайте я вас провожу в холл. Там кулер с водой, автомат с кофе, передохнете, — ему совсем не хотелось знать, что произошло.

— Спасибо, — мужчина поднялся, поддерживая жену под локоть. — Идем, посидим, все будет хорошо.

Игорь довел их до выхода. Мужчина поблагодарил кивком. Возвращаясь в отделение, Игорь в очередной раз за сегодняшний день пытался перекрыть доступ к своим чувствам, мешавшим работать. Хотя бы на ближайшие три часа. Ему необходим трезвый рассудок и уверенные руки.

Постепенно работа пошла ровнее. Он помог Кузьякину, принял еще двое родов, ассистировал при кесарева, заглянул на вечерний обход в детскую реанимацию. Напряженный день съезжился под натиском густых августовских сумерек. Там, снаружи, они уже заволакивали небо, проникая во все закоулки. И только здесь, просачиваясь сквозь распахнутые окна, вступали в неравную схватку с ярким солнечным светом.

Поток рожаящих временно прекратился. Следующий наплыв обычно наблюдался к трем часам ночи. Обычно это были те, кто чувствовал первые схватки еще с вечера, но думал, что обойдется. А потом посреди ночи просыпались с уже отошедшими водами. Привозили их быстро, хотя некоторые успевали родить в «скорой» или в приемном внизу.

Но все это позже. К тому времени Игорь будет спать дома под мерное жужжание телевизора. А пока отделение затихает, чистится, приходит в себя. Санитарки неспешно шелестят пакетами, сестры загружают боксы лекарствами, врачи засели за карты. Любимое время дежурства. Обычно в такие минуты ему приятно было пройтись по палатам, поговорить с новоиспеченными мамками, заглянуть в детское отделение. Там, в детском, он особенно остро ощущал свою причастность к этому священному действию природы. В свое дежурство он чувствовал себя первым крестным отцом всех этих малышей. Если Бог есть, он где-то наверху — над всеми людьми. Тогда он, Игорь, вот здесь, на земле, на своем участке, как маленький бог. Именно родов. Именно сегодня.

В ординаторской, обложившись бумагами, Саша накручивал на пластиковую ложку заварную лапшу.

— М-мм, жаходи. Чай шкыпэл вон, — прокартавил он с набитым ртом, кивая в сторону бурлящего чайника.

— Спасибо, гурман ты наш. Камышев с язвой, и ты за ним собрался? — Игорь плеснул кипятка и плюхнулся на диван напротив Саши. — Печенье, что ль, дай?

— Вон тортик бери, Марь Михална угостила. Наш любимый — с ромом, — Саша пытался поймать соскальзывающую макаронину. — Тьфу ты, идиоты, хоть бы вилку положили... Эта-то все-таки ку-ку.

— Чего? — Игорь не понял, о чем идет речь.

— «Кукушка», говорю, наша, отказную написала, зараза.

Игорь с раздражением подумал, что лучше бы и не заходил. За вечерней работой он отключился от воспоминаний об отказниках. А теперь в пальцах снова ощутил те слабые удары маленького сердца. Он постарался вспомнить наставления их профессора по этике. О праве выбора женщины, о жизненных препонах, о которых врач может и не догадываться, о том, что лучше не родная, но любящая, чем родная, но неготовая к своей миссии... Игорь взглянул на торт и вспомнил смешного молодого папашу. В душе что-то смягчилось. Ему захотелось и эту женщину простить, найти ей оправдание.

— Может, некуда ей взять его. Хорошо хоть родила, а не убила в утробе.

— Да кто знает, может, пыталась, вот он у нас едва живой и вылез. Карты-то нет. Я ж говорил, специально без документов, чтобы мы ее в отчетности зафиксировать не смогли. Хитрая.

— Да кто знает, чего у нее в жизни было. А тройное обвитие у любой бывает, сам знаешь. Может, у нее мужик урод, не примет, а она любит его до безумия. Может, у нее рак или Альцгеймер, вот она и не хочет, чтобы ребенок потом по ней тосковал. А может, ее вообще изнасиловали.

— Давно это ты, Игорь Владимирович, в сказочники заделался? Сам-то хоть веришь в свои бредни?

— Да просто денек сегодня тот еще, — Игорь смутился, что Саша уличил его в сентиментальности.

— А, про странности. У Кузякина-то сегодня VIP-шники что отчудили! Там суррогатная мать, эти ей все по высшему разряду оплатили, нарядились, все роды там торчали, на камеру снимали. А она родила, а отдавать отказалась!

— В смысле? — Игорь не успевал переваривать все этапы истории.

— Без смысла! На руки взяла и как заревет, мол, не отдам, он мой, не могу. У Кузякина первый раз такое. Он их выставил, пытался с ней поговорить, а они и сами давай реветь.

— Я видел их, — Игорь представил себя на месте Кузякина — стал бы он вмешиваться, уговаривать... — Вот и не поймешь, кому из них сочувствовать. Они, наверное, бесплодные... А получается, по закону ребенок их, если яйцеклетку ей пересаживали?

— Да нет у нас никаких законов, ты где живешь?! Она выносила, ей решать. Хоть пятьсот контрактов подпишет, за ней последнее слово. А вот ей точно взять некуда. Девчонки сказали, у нее своих трое, мужа в пьяной драке убили год назад. Решила заработать, чтобы детей поднять. Не заработала! Они теперь, наверное, и деньги за роды потребуют вернуть, и за беременность. С чего она отдавать будет? Но вцепилась — ни в какую.

Игорь медленно переваривал услышанное... У него ни разу не было родов с суррогатными, и он слабо представлял, как это бывает. Сразу ли отдают родителям или выкладывают на живот. Или к груди прикладывают. Дают ли попрощаться или поскорей уносят... Он представил эту женщину, сидящую там, в навороченной палате с малышом, которого она носила, зная, что отдаст. И вот — не смогла. Держит его и плачет. Думала, сможет, но природа взяла свое. И как она вместо денег принесет домой еще одного голодного птенца. И как она дальше с ними будет...

— А эти какие-то крутые, с главным все напрямую решали, фамилии зашифрованы, чтобы никто не узнал потом. Понакупили уже всего, всю палату заставили и игрушками, и люльками, одежками. Не знаю, уехали или сидят ждут, вдруг передумает...

— Вот не позавидуешь! Слушай, а там кто у них родился?

— Да вроде пацан. Да кто б ни был, им от этого не легче.

— Может, им этого предложить? «Кукушонка» твоего?

— М-мм, ну предложи, и чего? Они своего ребенка ждали. Суррогатная, это ж биоматериал их!

— А я тупой такой, не знаю. Но я ведь вот про что: если они так хотели ребенка, может, возьмут? Такие крутые, наверняка всем близким растрезвонили, может, она даже фальшивый живот носила, чтобы не догадались. Как им возвращаться без ребенка? А тут в тот же день, в том же роддоме, как будто знак, понимаешь? Да и мать эта, мы с тобой подтвердим, вполне нормальная, на наркоманку или сумасшедшую непохожа, младенец без патологий...

Саша нахмурился:

— Чудес, что ли, захотелось? Так это ты, Игорек, не в том месте работаешь. Ты бы в фокусники пошел, пусть тебя научат.

— Да ну тебя, — Игорь хотел разозлиться, но почему-то расстроился. Чудес и правда хотелось. Настолько, что комок подкатил.

— Может, тебе выпить?

— Может. Ты налей, а я пойду все-таки попробую с ними поговорить. Я быстро. Саша сочувственно проводил приятеля взглядом.

— И заявление на отпуск заодно напиши, а то совсем чудить начал! — он достал из ящика потертую флягу, две крохотные рюмки и аккуратно расставил на столе.

